

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ОТЕЧЕСТВО В ФИЛОСОФСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ И.А. ИЛЬИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ

© 2021 г. Е.Р. Пономарев

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 13 февраля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(РНФ, проект № 17-18-01432-П)*

Аннотация: Впервые в научной литературе рассматриваются философские работы И.А. Ильина 1920-х гг. о Родине как цельная идеологическая структура, повлиявшая как на литературу русской эмиграции 1920-х гг., так и на самосознание русской эмиграции в целом. Система взглядов И.А. Ильина рассмотрена в динамике — от первых речей, произнесенных им в Берлине в 1922 г., до речей (статей) второй половины 1920-х гг. Прослеживаются изменения в трактовке понятия «Отечество»: в самом начале оно связано с военными интересами Белой армии и целями гражданской войны, затем использует религиозно-духовные элементы, а к концу 1920-х гг. попадает в сферу истории и культуры. На ряде примеров показано влияние (или со-звучие) философских построений И.А. Ильина на идейную сторону формирующейся эмигрантской литературы (проанализированы художественные тексты и публицистика И.А. Бунина, Н.Н. Берберовой, В.В. Набокова, М.И. Цветаевой). Превращение профессора правоведения в крупнейшего идеолога Зарубежной России представляется эпохальным явлением и свидетельством политизации русской философии.

Ключевые слова: философия Отечества, Иван Ильин, идеология, русская эмиграция, литература эмиграции.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48., 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

MOTHERLAND IN THE PHILOSOPHICAL CONSTRUCTIONS OF I.A. ILYIN: LITERARY PROJECTIONS

© 2021, Evgeny R. Ponomarev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Received: February 13, 2021

Approved after reviewing: April 10, 2021

Date of publication: September 25, 2021

Acknowledgements: The research has been carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 17-18-01432-II)

Abstract: This is the first attempt at analyzing philosophical works about Motherland by Ivan Ilyin (written in the 1920s) as the solid ideological structure, which influenced literature of the Russian emigration of the 1920s as well as Russian émigré self-awareness. The article describes the system of Ilyin's thought in its dynamics: from his first speeches, delivered in Berlin in 1922, towards the speeches (and articles) of the second half of the 1920s. It highlights certain changes in the definition of the Motherland: in the beginning of his philosophical career, Ilyin understands Motherland as related to the Civil War and the interests of the White Army; later, he moves this concept to religious sphere; by the end of the 1920s he relegates Motherland to the context of world history and Russian culture. Several examples show how Ilyin's philosophy influenced (or sounds in consonance with), main ideas of the early émigré literature (including novels and political articles by Ivan Bunin, Nina Berberova, Vladimir Nabokov, and Marina Tsvetaeva). That Ivan Ilyin, a former professor of law turned into the greatest ideologist of Russia Abroad is a typical sign of the time and the proof of politicization of Russian philosophy.

Keywords: philosophy of Motherland, Ivan Ilyin, ideology, Russian emigration, literature of Russian emigration.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor; The Herzen State Pedagogical University of Russia, Mojka Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

For citation: Ponomarev, E.R. "Motherland in the Philosophical Constructions of I.A. Ilyin: Literary Projections." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 222–243. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243>

И.А. Ильин был одним из первых русских философов, кто сформулировал новое отношение эмигранта к потерянной Родине и сами задачи эмиграции. Именно публицистические работы 1920-х гг. заставили говорить о нем как об одном из крупнейших русских философов. Перерождение либерально мыслящего гегельянца в идеолога Белого движения, государственника-монархиста и, с оговоркой о безусловной неточности политических определений в отношении философии, в крупнейшего «правого» религиозного философа эмиграции практически не осмыслено в научной литературе. Некоторые современные историки философии предпочитают не замечать идеологических текстов И.А. Ильина, настаивая на том, что самые важные его сочинения — это «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и несколько других собственно философских книг («Религиозный смысл философии», «Аксиомы религиозного опыта»), в список которых иногда включается «О сопротивлении злу силою» — философская книга конкретной политической направленности [6, с. 375–383; 1]. В этом научном отторжении отчасти повинны те политологи и публицисты, которые пытаются приспособить идейную систему И.А. Ильина для сегодняшних нужд. Однако для современников И.А. Ильин — прежде всего идеолог, обозначивший первоочередные задачи эмиграции в первые годы русского изгнания. Именно как философа-идеолога, предложившего эмиграции новое отношение к Отечеству (знаменательна и сама форма представления философских доктрин, характерная для начала эмиграции, — в речах, произнесенных на том или ином торжественном собрании эмигрантов, и в небольших брошюрах), мы будем рассматривать И.А. Ильина в этой работе. Выстроить цепочку рассуждений-идеологем, чтобы показать системность

идеологической доктрины философа, и проследить возможности ее развития, а также показать влияние этой доктрины на художественную литературу эмиграции (или ее со-звучие с общеэмигрантской мыслью) — принципиально важный момент для изучения миропонимания русской эмиграции.

1. **«Родина и мы»**. В речи на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы перед русскими профессорами-изгнанниками (произнесена 14 ноября 1922 г. — И.А. Ильин, высланный из Советской России на знаменитом «философском пароходе» 26 сентября 1922 г., только привыкал к новому для себя статусу эмигранта: в Берлин он прибыл 1 октября, за полтора месяца до произнесения этой речи) философ разложил понятие «Отечество» на составляющие, используя религиозное содержание концепта «Отец» (у всякого человека есть кровный отец, но духовный человек всю жизнь ищет духовного отца-исповедника; духовный отец для верующего человека важнее, чем кровный; третьим же значением концепта «Отец» становится Отец Небесный), и противопоставил Отечество «географическое и этнологическое» Отечеству «духовному» [13, с. 233]. Отечество, таким образом, отрывается от географической почвы и практически теряет географическую составляющую, ибо на месте прежней России возникла псевдо-Россия. Умаление географической родины сопровождало каждый этап Белого движения: появление русских правительств (и Верховного правителя) вдалеке от российских столиц (едва ли не правительств в изгнании); широкое использование словосочетания «Вооруженные силы Юга России» (на уровне коннотаций превращавшее Юг России в некоторое автономное образование — подлинную Россию, в отличие от изменившей патриотической идее России центральной; тем более, что ВСЮР формировали и временный государственный аппарат на подконтрольных территориях); наименование «Русская армия» (реорганизованные П.Н. Врангелем в 1920 г. ВСЮР), применявшееся к вооруженным силам белого Крыма. Таким образом, предложенное И.А. Ильиным новое понимание Родины ложилось на подготовленную почву. Если нахождение подлинной России возможно в Омске или Севастополе (а в Петрограде и Москве абсолютно невозможно), оно так же возможно в Берлине или Праге. Историческая Россия, выбитая из Крыма и высланная из Петрограда, привычно меняла географический ареал: «Вот и мы, неся с собою и в себе свою Отчизну в первозданных глубинах своего духа, перенесли ее и сюда

<т. е. в Берлин. — *Е.П.*>, оставив дома духовно больной, ослабевший, вконец запутавшийся субъективно субстрат» [13, с. 234].

Менее очевиден отрыв понятия Отечество от этнологической составляющей. Русскость для Белого движения — понятие принципиальное: Белая армия выступает под национальным флагом — противостоящим интернациональному красному; независимо от политических предпочтений тех или иных белогвардейцев — выступает за национальную власть. Предательство национальных интересов России — один из первых, если не самый первый, упрек, бросаваемый большевикам. Национальность и нация в понятии «русский» нерасторжимо слиты. Многонациональность России воспринимается как структурная характеристика империи, русский этнос на этом фоне считается титульным и государствообразующим элементом (заимствовано из дореволюционной имперской идеологии). Однако И.А. Ильин предлагает отказаться и от этнической составляющей Отечества, во-первых, вероятно, потому, что борьба за этничность русской идеи отторгает от эмигрантского единства (а русская эмиграция в Европе — и без того узкий круг) целый ряд национальных слоев; во-вторых, потому, что духовное Отечество не может определяться этническими категориями.

Духовное же Отечество, вобрав в себя признаки индивидуальной духовной работы («Где бы я ни был и что бы я ни делал, мое Отечество всегда *во мне* как духовная сущность моей души, меня самого» [13, с. 233]), а также духовной деятельности человека («...только у духовного человека может быть Отечество, а любовь к Отечеству создает различие между человеком и зверем» [13, с. 233]) и одновременно признаки Отечества Небесного («Тогда-то и взмывает в высоту все, что несет в себе духовную любовь к Отечеству...» [13, с. 234]) обретает у И.А. Ильина черты церковные. Новое понимание Отечества определяет ощущение соборного духа нации: «И вот эту целостность духовно-национальной культуры мы называем *Отечеством*»¹ [13, с. 233].

Или, как сформулировано в чуть более поздней речи «Государственный смысл Белой армии» (1923): «...родина — это *национальная обращенность к Богу*, национальное служение Его зову и делу; это и земля, и природа, и хозяйство, и люди, но все сие — *пред лицом Божиим*, Его зовом и

1 Здесь и далее выделено автором.

делом измеренное, оваянное, осмысленное и освященное; родина — это весь государственно оформленный и спаянный народ со всем его земным достоянием, народ как духовное единство, связанное однородностью, совместностью, взаимодействием и общностью *пред лицом Божиим и на Его путях*» [11, с. 294]. По сути, Родина здесь — это всенародное соборное предстояние Богу. Поскольку всенародность и соборность разрушены Гражданской войной, а истина Бога отвергнута большевистской властью, на бывшей территории России нет и не может быть родины. Родину следует воссоздавать в соборном служении (ключевое понятие, которое продуцирует новые смыслы) небольших очагов русской культуры за рубежом. Одним из таких очагов и становится Русский научный институт в Берлине, с которым связан практически весь берлинский период жизни И.А. Ильина. Отказ философа переехать в Прагу, куда звал его П.Б. Струве, связан в первую очередь со стремлением сформировать еще один русский «очаг» такого рода [7, с. 112–114]. «Служение» разбавляет религиозный пафос традиционными интеллигентскими смыслами (именно общественное служение определяет идею интеллигенции у Н.А. Бердяева, высланного из России на том же «философском пароходе» и хорошо известного Ильину): соединяет предстояние Богу с общественным служением, заставляющим временами подавлять собственные интересы во имя интересов всеобщих.

Одной из центральных работ И.А. Ильина на эту тему стала брошюра «Родина и мы», вышедшая в Белграде в 1926 г. и имевшая в кругах эмиграции большой резонанс. Начинается брошюра глубоким вздохом, обнажающим зияющую душевную рану: «Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... *Для меня* навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании...» [14, с. 255]. Но рана эта оказывается мнимой, легко изживаемой напряжением мысли и, опять же, духовным созерцанием: «Но не бойтесь этого голоса и этого страха! Дайте им состояться, откройте им душу. <...> Смело и спокойно смотрите в эту темноту и пустоту. И скоро в них забрезжит *новый свет*, свет новой, *подлинной любви к родине, к той родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять*» [14, с. 255].

Есть чувство Родины, определяющееся «местопребыванием» и «совместным бытом», — это «русскость» «привитая», требующая ежедневного подогревания [14, с. 256]. Однако подлинную «русскость» (речь идет не об

этническом самоопределении, но о самоощущении национальном) не может отнять изгнание, русские за границей — «живые куски» своей Родины. Оторванность от родной земли не означает оторванности «от духа», «от жизни», «от святынь» [14, с. 257]. «Земля» материальна и преходяща, «дух» вечен. Разделение Отечества на «землю» и «дух» позволяет Родине окончательно обосноваться в зарубежье.

Духовная работа оказавшегося за границей русского, с этой точки зрения, сопоставима с духовным деланием подвижника. Обладатель подлинной «русскости» — уже в силу статуса эмигранта (выезд за пределы страны осмысливается как акт несогласия с происходящим в географической России) — призван к духовному подвигу (в религиозном смысле слова): «...состояние изгнанничества становится *заданием, действием и подвигом*» [14, с. 257]. Задание состоит в том, что эмигрант должен углубиться в себя для очищения собственного духа, обрести в изначальной подлинности и сохранить дух Отечества, «который строил Россию от Феодосия Печерского и Владимира Мономаха до Оптиной Пустыни и Белой армии» [14, с. 257–258]. Основатель первого русского монастыря в этом пассаже олицетворяет саму идею подвижнической жизни; Владимир Мономах — идею благоверного князя, правителя-святого; Оптина пустынь как бы наследует Киево-Печерской лавре — как один из самых знаменитых монастырей Московской Руси, возникший (что немаловажно в общей системе значений) в Смутное время. Наконец, Белая армия, по-видимому, создает семантическую рифму с упоминанием Владимира Мономаха: это религиозное делание в миру, с оружием в руках, во имя мира и правды.

Упоминание Белой армии в этом контексте нарушает традиционное представление о святости. Но создает эффектный акцент, необходимый И.А. Ильину для очередного семантического сдвига: борьба Белой армии с большевизмом есть в первую очередь религиозный подвиг. А значит, многие эмигранты уже встали на путь подвижничества, сражаясь с Красной армией, — им предстоит продолжить начатое в России святое дело. Кто не сражался в Белой армии, а просто выехал в эмиграцию, как сам И.А. Ильин, тоже встали на этот путь, ибо подвиг не только в (воинском) делании, но в духовном размышлении и молитвенном переживании. Получается, всякий русский эмигрант связан с Белым движением — если не организационно, то духовно. А через Белое движение — со святым Феодосием и Владимиром Мономахом.

Древнерусская интертекстуальность текста И.А. Ильина ощущается читателями и рецензентами. Так, П.Б. Струве в редакторской колонке газеты «Возрождение» посвящает И.А. Ильину и его брошюре отдельную статью. В ней говорится: «Брошюра “Родина и мы” есть слово о патриотическом призвании Зарубежья, сжатое, точно отлитое из какого-то словесного металла. Это “поучение”, обращенное к близким по духу “младшим”, разъясняющее и ободряющее, ведущее и зовущее» [16]. Лексема «поучение» в этой рецензии отсылает к написанному Владимиром Мономахом выдающемуся произведению древнерусской литературы, а также к святоотеческому деланию русской истории: и святой Феодосий Печерский, и святитель Кирилл Туровский, и митрополит Иларион, автор «Слова о законе и благодати», и святой Сергей Радонежский, основатель еще одного великого монастыря, автор духовных наставлений, создавали «поучения», Слово которых становилось Делом. В этом ряду видится некоторым его современникам и И.А. Ильин — автор современного поучения. Сам же философ не без успеха пробует роль проповедника, духовного борца с мировым злом².

Слово в понимании И.А. Ильина обязательно обернется делом: те, кто сохранит и преобразит дух России, обретут со временем новую русскую гражданственность, обновленные государственные институты и географическую Родину. Здесь рассуждение выходит за границы философии к зыбким пределам религиозного откровения и упования. Более того, сообщив, что ему неизвестно, какой государственный строй установится в России «после перелома», И.А. Ильин утверждает, что Россия будет существовать «только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности» [14, с. 260]. Эти три составляющие «духа» — залог обретения будущей России. Но если, продолжает И.А. Ильин, «дух чести, служения и верности» возобладает, будущая Россия непременно станет монархией. Религиозное откровение оборачивается политической декларацией.

Главная задача эмиграции — соблюсти «дух России», этот же дух блюдут «верные» в разных областях географической Родины. «Соблюсти себя <...> есть наше основное патриотическое задание; и тот, кто ныне работает в этом направлении, делает свое *главное жизненное дело*» [14,

2 См. подробнее об осознании И.А. Ильиным своей новой роли: [2].

с. 264]. Завершается брошюра конкретными рекомендациями — десятью тезисами «что же нам делать», среди которых экономическая независимость, укрепление духовных сил, поиск соратников, осмысление катастрофичности революции, воспитание молодого поколения и готовность в нужный момент вернуться на географическую Родину для продолжения борьбы.

Таким образом, победа Белой армии лишь откладывается во времени; воинский дух и духовная дисциплина тоже переносятся в сферу духовного делания. Не случайно Белая армия упоминалась в ряду великих русских монастырей. О религиозном значении Белого движения И.А. Ильин упоминает и в брошюре: «Надо постоянно помнить о том, что такое сознательно обдуманное, организованное и не стыдящееся выступление зла *мир видит впервые* и что силою исторических судеб Белая армия стала основоположником и пионером борьбы с этим невиданным злом» [14, с. 262]. Этот тезис — зло впервые оформилось и узаконило себя в русском большевизме — станет исходной точкой философской книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925). Белое движение, таким образом, обретает не только национальное, но всемирное значение; не только военное и государственное, но моральное и религиозное измерение: белые противостоят не просто большевизму, а всему мировому злу.

Влияние (или со-звучие) философии И.А. Ильина широко прослеживается в первых произведениях эмигрантской литературы. Размеры статьи не позволяют показать это у многих и многих авторов. Приведем лишь несколько примеров из текстов как близких И.А. Ильину, так и весьма далеких от его философии поэтов и писателей.

Отечество, во-первых, помнят — как в стихотворении Н.Н. Берберовой «Вечная память» (1927):

— Скажи, ты помнишь ли Россию
На берегах восьми морей,
В кольце тяжелых кораблей?
Скажи, ты помнишь ли Россию?

— Я помню, помню... Я из тех,
В ком память змием шевелится,

Кому простится смертный грех
И лишь забвенье не простится...
[8, с. 81]

Родина у молодой поэтессы начинается с грандиозных размеров и военной мощи, а продолжается личными воспоминаниями: аллея, погост, родной дом. Имперские мотивы и описание родового гнезда неразделимы.

Во-вторых, Отечество уносят с собой. От «Лебединого стана» М.И. Цветаевой (цикл стихотворений должен был печататься в Берлине в 1922 г., но по иронии судьбы увидел свет только в 1957 г.), в финале которого появлялась «молодая Русь / За морем за синим» [17, с. 188] до набокковского «Дара», в котором Родина «со мной, во мне, пристала как серебро морского песка к коже подошв, живет в глазах, в крови, придает глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды...» [15, с. 157] проходит около 15 лет. Знаменитая фраза М.И. Цветаевой, открывающая ее ответ на анкету журнала «Своими путями» (1926), передает те же значения: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» [18, с. 618]. Все эти авторы далеки как от философии И.А. Ильина, так и от круга его общения. Но философские идеи, высказанные И.А. Ильиным в статьях и брошюрах 1920-х гг., становятся *loci communis* эмигрантской литературы.

Интересны два следующих абзаца анкеты М.И. Цветаевой, транспортирующих рассуждения И.А. Ильина о «привитом» патриотизме, которому нужен ежедневный подогрев, и патриотизме подлинном, в подогреве не нуждающемся, на реалии литературного быта:

Писателям типа А.Н. Толстого, то есть чистым бытовикам, необходимо — ежели писание им дороже всего — какими угодно средствами в России быть, чтобы воочию и воушию наблюдать частности спешащего бытового часа.

Лирикам же, эпикам и сказочникам, самой природой творчества своего дальнзорким, лучше видеть Россию издалека — всю — от Князя Игоря до Ленина — чем кипящей в сомнительном и спящем котле настоящего [18, с. 618].

В-третьих, Отечество оказывается там, где о нем постоянно размышляют и его глубоко чувствуют. Плач о России, дума о России становятся главными темами эмигрантской литературы. От «Косцов» (1922) и «Несрочной весны» (1923) И.А. Бунина до его же «Жизни Арсеньева» (1930), а также «Богомолья» (1931) и «Лета Господня» (1931–1948) И.С. Шмелева (оба писателя могут считаться испытавшими влияние И.А. Ильина: Шмелев — безусловно, Бунин — некоторым образом, ибо Бунин был очень самостоятелен — и в художественном творчестве и в идейной сфере. Шмелева И.А. Ильин считал лучшим писателем эмиграции — не признавая таковым Бунина) литература русской эмиграции построена на воспоминаниях о прежней русской жизни и стремится к преображению и воскрешению в слове подлинной Родины. Когда русские святые поруганы, они сохраняются в душах эмигрантов и в созданных ими литературных текстах: «В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, — говорит И.А. Бунин в речи и статье “Миссия русской эмиграции” (1924), — я приводил слова великого русского историка, Ключевского: “Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного, когда закроются врата его Лавры”. Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены» [9, с. 151–152].

2. **Родина и Белая идея.** Специальным предметом рассмотрения подвиг Белой армии стал в двух других работах И.А. Ильина этого периода — речи «Государственный смысл Белой армии» (произнесена в Берлине 19 ноября 1923 г.; затем опубликована в пражском журнале «Русская мысль») и статье «Белая идея» (опубликована в качестве предисловия к выпуску 1 книги «Белое дело (Летопись белой борьбы)» — Берлин, 1926). В них утверждается победа Белой армии, несмотря на видимость стратегического поражения и политической неудачи.

В философской системе Ильина земное и небесное, реальное и чуждое, духовное и мирское составляют диалектические пары. Военная победа противопоставлена духовной победе над искушением, и само понятие «победа» обретает религиозный оттенок.

Русская революция названа величайшим «духовным искушением», вызвавшим «религиозное межевание» [11, с. 282]; «религиозной дифференциацией человечества» [11, с. 284]. Революция только началась с России, но

вскоре затронет весь земной шар. Перед человеком эпохи революции возникает только два пути: к Богу или против Бога. Всеобъемлющий выбор, в котором решаются дальнейшие судьбы человека и мира, есть коренной и изначальный момент идеологии. И.А. Ильин моделирует ситуацию идеологического выбора, упрощенную тем, что выбор уже сделан несколько лет назад. Если ты с Богом, обо всем материальном (включая географическое Отечество) следует забыть. Все материальное достается тем, кто «против Бога». Сохраняющий земные блага теряет душу — и наоборот: тот, кто «с Богом», обретает высшие ценности взамен утраченных; теряет «все свое», но обретает «Божие» [11, с. 286].

Почти в унисон этому тезису звучит стихотворение М.И. Цветаевой из «Лебединого стана» (примеры легко умножить — эта идея очень распространена в ранней эмигрантской традиции):

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были *вы*? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
[17, с. 164]

Воины Белой армии не умерли, потому что сохранили душу, — они «легли на сон». Вопрос же, который «как громом грянет», — это вопрос Господа на Страшном суде, где каждый поступок получит истинную оценку. Страшный суд переносится на землю; в момент религиозного межевания каждый поступок получает абсолютное значение.

Но вернемся к рассуждению И.А. Ильина. Победа в этой системе смыслов тоже теряет материальность. Власть и территории, которые дает военная победа, осмыслены как ложные ценности, ловушка материального мира: «И победит в этом религиозном испытании, принимающем форму мирового катаклизма, не тот, кто на срок захватит где-нибудь власть, и не тот, кто займет какую-нибудь территорию, — ибо власть-то и может обнаружить, и скомпрометировать, и погубить захватчика; и занятие террито-

рии может как раз оказаться роковым для занявшего, — а тот, кто *устоит*, и вот, уже устоял в этой буре; кто выдержал испытание и пребыл *верным...*» [11, с. 285]. «Территория» окончательно перестает быть составной частью «Отечества», точно так же воспринимается и государственная власть (ибо в настоящий момент она захвачена Злом). Это ложные, кажущиеся, случайные формы Отечества.

Как в работе «Родина и мы», есть намек на то, что духовная победа предшествует материальной: не все доживут до материализации победы, но это обязательно когда-нибудь свершится. Победили не только выжившие, но и те, кто отдал свою жизнь за Родину и Божий путь. Победа, таким образом, есть одновременно и предмет веры (упования) и результат духовного делания. Победа Белой армии — в первую очередь сохранение государственной идеи (подлинной ценности — в отличие от материальной «власти»), государственная идея — это в первую очередь дисциплина и послушание (подлинная ценность, противостоящая власти-принуждению), а также понимание, что Родина — превыше всего.

Так «государственный смысл» Белой армии превращается в «*религиозно-государственный смысл*» [11, с. 290]. Идея духовного послушания вплотную подводит к идее послушания монастырского — и в этой работе список государствообразующих исторических монастырей (в брошюре «Родина и мы» — более краткий список) имеет прямую функцию проповеди: «Вспомним: никем не заставляемые, без приказа и понуждения, по вдохновению боголюбивого ума и сердца — какие вклады внесли в пути и в судьбу русской государственности Киевская Лавра, Троице-Сергиева Лавра, Соловецкий монастырь, Оптина Пустынь и другие бесчисленные обители!» [11, с. 297].

В этом случае добровольчество Белой армии — не только религиозный выбор, но и внутренняя, почти монастырская дисциплина. Галлиполийское сидение, упомянутое на следующей странице, как и предшествовавший ему Ледяной поход, должны стать военным прообразом монастырского послушания. Следует исторический экскурс, из которого выясняется, что «рыцарственно мотивированная традиция — выступать в жизни *патриотическим добровольцем общественного дела и публичного тягла...*» [11, с. 297] — существовала на Руси с глубокой древности. Рыцарственность в дореволюционном понимании присуща лишь дворянской культуре.

И.А. Ильин расширяет понятие рыцарства на все сословия — его демонстрирует каждый, кто выбирает добровольное общественное служение и на этом поприще имеет заслуги перед Родиной (тут же появляется и хрестоматийный пример: царь Михаил Федорович пожаловал Кузьме Минину думное дворянство). В финале статьи «рыцарственность» и «гражданственность» становятся почти синонимами.

Интересна последовательная подмена и смешение понятий, характерная уже не столько для философского рассуждения, сколько для идеологического дискурса. Монастырское послушание, рыцарское служение Господу (интерпретируемое и как княжеская святость, и как борьба Земского ополчения К. Минина с врагами — при этом сознательно умалчивается о гражданственном служении земства предреволюционного, и как общественная роль патриотической интеллигенции, и как дело чести каждого), самоотверженность воинских подвигов в Гражданскую войну — все это наслаивается друг на друга и поддерживает две глобальные идеи продолжающейся борьбы: Бог и Родина. То и другое — понятия абсолютные, непреходящие; ради них можно и должно жертвовать всем, включая жизнь.

Более поздняя статья «Белая идея» во многих случаях переходит от тезисов к метафорам. В первом абзаце утверждается, что белое дело «древне, как Русь» [10, с. 301], поскольку это часть дела строительства русского государства. В рядах белых — люди разных сословий и классов, разных партий, разных убеждений — все они объединены преданностью родине. Здесь, как видим, знак равенства поставлен между понятиями «Родина» и «национальное государство». Собственно, восприятие Отечества и государства как двух сторон одной медали (формы и содержания одной и той же субстанции) характерно для всей философии И.А. Ильина.

Вновь возникает тема рыцарства (здесь она развернута при помощи целой серии сочиненных девизов, формой напоминающих рыцарские³) и внутренней дисциплины (один из девизов гласит: «*Силен свободным повиновением*» [10, с. 308]). Метафорическое нагнетание позволяет представить белое движение (в будущем) как рыцарский орден: «Придет время, когда Белое движение примет форму патриотического ордена и породит нацио-

3 Эти многочисленные девизы в понимании И.А. Ильина имеют самостоятельное значение: он опубликовал их отдельно в собственном журнале «Русский Колокол» (1927. № 1).

нальную политическую партию» [10, с. 304]⁴. Вероятно, это утверждение проецируется на недавно сформированный Русский Обще-Воинский Союз; «невооруженную армию», армию в миру, сохраняющую армейскую субординацию и дисциплину.

Рыцарству, как и ранее, придается древний колорит — но и древнерусская тематика в статье метафоризована: «Наше достоинство в том, что мы блюдем в себе нашу святыню. Она — наш духовный Кремль...» [10, с. 307]. Сохранение национального духа, о котором говорится в работе «Родина и мы», получает многозначный художественный образ — охраняющая народ крепость, сердце русского города и России в целом, кремли древнерусских городов и Московский кремль, хранящие не только исторические, но и религиозные святыни. Этот образ (с коннотациями «нерушимость» и «оборона») переходит в сферу нематериальную — духовного созерцания. В этом внутренне-созерцаемом Кремле живут в единстве вера и Родина. Метафора духовного Кремля⁵ актуальна и для финальной аллегории этой статьи: девиз «Любовью и кровью спаянные» применяется сначала к бывшим белогвардейцам, а затем ко всем русским людям, становится прообразом русского национального всеединства.

Восприятие Белой армии в литературе эмиграции 1920-х гг. созвучно многим тезисам И.А. Ильина. Сочетание рыцарства и религиозной жертвенности в описании Белого движения характерно и для мемуарно-художественной книги Р.Б. Гуля «Ледяной поход» (1921) и для стихотворного цикла М.И. Цветаевой «Лебединый стан». В первом эмигрантском произведении И.С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923) ярко выступают мотивы всеобщего наступления зла и искушения, которое выдерживают лишь немногие праведники. Если взять литературу второго ряда, ильинские темы и мотивы будут еще заметнее. Активный участник Белого движения генерал П.Н. Краснов в романе «За чертополохом» (1922) рисует мистическое обре-

4 Интересно, был ли известен И.А. Ильину в тот момент набросок Сталина «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» (1921), в котором ВКП(б) названа «орденом меченосцев». Скорее всего, не был (набросок впервые опубликован в 5 томе «Сочинений» Сталина в 1952 г.). Тем поразительнее совпадение мыслей идейных вождей белых и красных в момент окончания Гражданской войны.

5 Метафора духовного Кремля — одна из любимых метафор философа. Интересно, что она неоднократно использована и в философской книге И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою».

тение новой русской государственности: законный государь идет во главе нового ополчения через всю империю к русской столице. В другом романе П.Н. Краснова «Понять-простить» (1923) речь идет о духовном подвиге всего народа — тайном духовном делании (направленном на обретение Христа и государя). И вновь можно говорить о том, что И.А. Ильин артикулирует некие *loci communis* эмигрантской мысли. Из всех перечисленных авторов непосредственно близок кругу И.А. Ильина лишь И.С. Шмелев. Все остальные вряд ли испытали какое-то влияние со стороны философа. Скорее, речь идет о со-звучии общих идей эмиграции на раннем этапе.

3. Три речи о России. Завершением размышлений И.А. Ильина 1920-х гг. на тему Отечества стали три речи о России (произнесены в Берлине на Днях русской культуры в 1926 и 1927 гг.; опубликованы отдельной брошюрой в Софии в 1934 г.). Во вступлении повторены основные тезисы более ранних статей: «время видимого крушения России» стало на самом деле временем «ее мученического очищения, ее исторического оправдания и духовного возрождения в перерожденном виде»; «русский народ, всеми народами преданный и покинутый, сам с собой наедине перед лицом Божиим добывает себе свободу голодом и кровью» [12, с. 7]. Однако есть и существенные отличия от первых эмигрантских речей И.А. Ильина. Например, Россия теперь находится не только «здесь», но и «там», причем «там» — в развитие идеи русского национального всеединства — выходит на первое место:

Россия не только «там», где-то в бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне поработанного, но в грядущем свободного русского народа; но еще и «здесь», в нас самих, с нами всегда в живом и таинственном единении. Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость [12, с. 8].

Итак, географическая характеристика, казалось бы, возвращается Родине, но она предельно обобщена и метафорична. Основное местопребывание подлинной России — это по-прежнему души русских людей, но по обе стороны границы. Именно Родина создает единение тех душ, что остались под большевиками и тех, что живут в эмиграции. Завершается пассаж переработкой евангельского текста («где двое или трое собраны во имя Мое,

там Я посреди них»; Мф. 18: 20) — в применении к осмыслению Отечества. В «Трех речах о России» библейских и евангельских аллюзий становится значительно больше, чем в ранних речах И.А. Ильина: так, самоотверженные страдания русского народа названы попыткой Самсона повалить на себя капище Дагона.

Первая речь «О России» отталкивается (традиционно для дореволюционных русских историков) от российских ландшафтов и национального характера, в котором автор традиционно усматривает антитезу — он «колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом» [12, с. 10]. Далее говорится об открытой миру, созерцающей православной душе, а также сложной жизни чувства в русском человеке. Выделены новые составляющие Отечества — это древняя национальная культура и дивный язык, блюсти который следует так же, как и русскую культуру. То и другое — часть сохранения национального духа, сохранения Отечества. Язык и (языковая) культура впервые стали частью определения Родины.

Во втором выступлении «О путях России» речь идет о русской истории, которая свидетельствует об опыте сохранения национального духа: «Мы научились *хоронить нашу национальную святыню в недосыгаемости*. Мы постигли тайну уходящего Китежа...»; «Вот откуда наше русское умение — таить в глубине <...> силы поддонного Кремля <...>. Вот откуда наше русское искусство — *побеждать отступая...*». И, наконец, вывод: «Вот откуда наша русская способность — *незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово!*» [12, с. 23]. К метафоре духовного Кремля добавилась аллегория града Китежа, для иллюстрации победы в поражении (победы духа) вспоминаются эпизоды Отечественной войны с Наполеоном, включая пожар Москвы. Все это подводит нас к принципиально новой метафоре: в языческом преломлении Россия — птица Феникс, возрождающаяся самосожжением, в христианском — Россия повторяет путь Христа: победа над смертью, самопожертвование и следующее за ним воскресение.

Третья речь «Родина и гений» повествует о тайне Родины, не зависящей от человеческого произвола. От Родины нельзя уйти, ее нельзя поменять, ее нельзя не иметь. Однако среди людей есть нашедшие свою Родину и пока не нашедшие ее. Поиск Родины эмигрантом становится явлением и осуществлением Родины (отдельный пассаж посвящен поиску Родины в

среде эмигрантской молодежи, плохо помнящей живую русскую жизнь). Отсюда переход к национальным гениям, которые уподоблены политическим вождям⁶ (о «вождях» Белого движения, о верности и добровольном послушании им много сказано в работах о Белом деле⁷), ибо «творцы духа суть живые очаги Родины» [12, с. 30], они выговаривают «от всего своего народа символ национального Боговосприятия» [12, с. 31]. Очевидна аллюзия на Символ веры, исповедуемый каждым христианином. Национальный гений, таким образом, создает национальный Символ веры в соединении с национальным мировосприятием. Таким национальным гением России стал А.С. Пушкин — его день рождения эмиграция и отмечает как День русской культуры.

Если вторая статья практически связала подвиг белого эмигранта с подвигом Христовым, доведя до логического завершения рассуждения И.А. Ильина о духовной победе Белой армии в самой смерти и рассеянии, то первая и третья статьи привнесли в определение Родины язык, литературу и национальную мысль — нематериальные ценности, способные хранить национальный дух⁸.

К концу 1920-х гг. философско-идеологическая доктрина И.А. Ильина переходит на новый уровень: от осязаемых образов Родины и конкретных тезисов «что делать» она движется к метафоризации и мифологизации мира, Родины, белого эмигрантского дела. Если к середине 1920-х гг. военно-полевое «делание» Белой армии сменилось деланием религиозно-духовным, то к концу 1920-х гг. — в свете новой политической ситуации — религиозно-духовное делание все больше осмыслялось как делание историко-культурное. Сохранение русского духа из сферы созерцания и молитвы переходило в сферу литературы и искусства.

4. Итоги. В целом, идеологическая система И.А. Ильина, сформулированная в речах, брошюрах и статьях первых лет эмиграции, оказалась емкой, простой и убедительной. Она переводила на мирные рельсы боевой

6 Интересно, что таким же путем чуть позднее (с середины 1930-х гг.) шли советские идеологи от литературы — прежде всего Г.А. Гуковский (см. об этом: [4; 5]).

7 Таким вождем сам И.А. Ильин почитал П.Н. Врангеля, с которым вступил в переписку. Смерть барона Врангеля в 1928 г. была воспринята им как личная и национальная трагедия.

8 Еще одной глыбой национального духа становятся у И.А. Ильина русские сказки. Им он посвятил «Слово, произнесенное на вечере русской сказки в Берлине 3 мая 1934 года», опубликованное в виде статьи «Духовный смысл сказки» (подробнее см.: [3]).

дух солдат и офицеров Белой армии. Она оказалась созвучной переосмысливаемой в эмиграции монархической идее. Существенное влияние этой доктрины можно наблюдать как в проявлениях повседневной жизни эмиграции (зафиксированной прежде всего в письмах и дневниках — например, неопубликованных дневниках В.Н. Буниной⁹), так и в художественных текстах зарождающейся эмигрантской литературы. Превращение профессора правоведения в крупнейшего идеолога Зарубежной России следует воспринимать как явление эпохальное. Философия Отечества в его публицистических текстах звучит, с одной стороны, глубоко лично и ностальгически, с другой — отвлеченно-восторженно и концептуально-утопически. Опыт эмигрантской жизни заставляет русскую философию по-новому посмотреть на проблему Родины, одним из первых этот шаг делает И.А. Ильин.

9 Например, дневниковая запись от 6 февраля 1926 г.: «Статья Ильина “Дух преступления” великолепа. Воображаю, какое негодование вызовет она у Левых» (Русский архив в Лидсе. MS 1067/385). В дальнейшем по дневнику В.Н. Буниной за 1926–1927 гг. хорошо видно, как между четой Буниных и четой Ильиных возникает все большее охлаждение, вызванное идейной нетерпимостью Ильина.

Список литературы

Исследования

- 1 *Евлампиев И.И.* Иван Ильин. СПб.: Наука, 2016. 251 с.
- 2 *Евлампиев И.И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия // И.А. Ильин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. И. Евлампиев. СПб.: РХГИ, 2004. С. 43–53.
- 3 *Налепин А.Л.* Иван Александрович Ильин и философская мысль русского зарубежья в поисках фольклорного императива // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 325–339. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-325-339
- 4 *Пonomарев Е.Р.* Созидание советского учебника по литературе. От М.Н. Покровского к Г.А. Гуковскому // *Вопросы литературы*. 2004. № 4. С. 39–77.
- 5 *Пonomарев Е.Р.* Учебник литературы в советской школе. Идеологическая поэтика. [Saarbrücken]: LAMBERT Academic Publ., [2012]. 367 с.
- 6 *Сапронов П.А.* Русская философия: Опыт типологической характеристики. СПб.: Церковь и культура, 2000. 396 с.
- 7 *Томсинов В.А.* Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012. 192 с.

Источники

- 8 *Берберова Н.Н.* Вечная память // Неизвестная Берберова. Роман. Стихи. Статьи. СПб.: Лимбус-Пресс, 1998. С. 81–83.
- 9 *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- 10 *Ильин И.А.* Белая идея // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 301–314.
- 11 *Ильин И.А.* Государственный смысл Белой армии // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 281–300.
- 12 *Ильин И.А.* О России. Три речи. 1926–1933 // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 2. С. 7–34.
- 13 *Ильин И.А.* Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 года // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 233–234.
- 14 *Ильин И.А.* Родина и мы // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 255–278.
- 15 *Набоков В.В.* Дар // *Набоков В.В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 3–330.
- 16 *Струве П.* О брошюре И.А. Ильина и о нем самом // *Возрождение*. 1926. № 478. 23 сентября. С. 1.

- 17 *Цветаева М.* Лебединый стан // *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 154–188.
- 18 *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. 686 с.

References

- 1 Evlampiev, I.I. *Ivan Il'in [Ivan Ilyin]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 251 p. (In Russ.)
- 2 Evlampiev, I.I. "Ot religioznogo ekzistentsializma k filosofii pravoslaviia" ["From religious existentialism to the philosophy of Orthodoxy"]. *I.A. Il'in: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniakh, dokumentakh i otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya [I.A. Ilyin: Pro et Contra. Personality and work of Ivan Ilyin in memoirs, documents, and assessments of Russian thinkers and researchers. Anthology]*, comp. I. Evlampiev. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2004, pp. 43–53. (In Russ.)
- 3 Nalepin, A.L. "Ivan Aleksandrovich Il'in i filosofskaia mysl' russkogo zarubezh'ia v poiskakh fol'klornogo imperativa" ["In Search of Folklore Imperative: Ivan A. Il'in and Philosophical Thought of the Russian Émigré Circle"]. *Studia Litterarum*, vol. 1, no. 3–4. 2016, pp. 325–339. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-325-339 (In Russ.)
- 4 Ponomarev, E.R. "Sozidanie sovetskogo uchebnika po literature. Ot M.N. Pokrovskogo k G.A. Gukovskomu" ["The Making of the Soviet Textbook on Literature. From M.N. Pokrovsky to G.A. Gukovsky"]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2004, pp. 39–77. (In Russ.)
- 5 Ponomarev, E.R. *Uchebnik literatury v sovetskoj shkole. Ideologicheskaya poetika [The Textbook on Literature in the Soviet School. Ideological Poetics]* [Saarbrücken], LAMBERT Academic Publ., [2012]. 367 p. (In Russ.)
- 6 Sapronov, P.A. *Russkaya filosofiya: Opyt tipologicheskoi harakteristiki [Russian Philosophy: An Attempt at Typological Analysis]*. St. Petersburg, Tserkov' and Kultura Publ., 2000. 396 p. (In Russ.)
- 7 Tomsinov, V.A. *Myslitel' s poiushchim serdtsem. Ivan Aleksandrovich Il'in: russkii ideolog epokhi revoliutsii [The Thinker with a Singing Heart. Ivan Alexandrovich Ilyin: the Russian Ideologist of the Epoch of the Revolutions]*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2012. 192 p. (In Russ.)